

Лица

Энтони Хост

2024-08-09

Contents

Глава 1	1
Глава 2	4
Глава 3	8
Глава 4	11
Глава 5	12
Глава 6	13
Глава 7	14

Глава 1

Когда снег лежал чистыми и белыми холмами, когда сосны своими массивными крыльями держали мешки белого и не так давно пушистого снега, мне чудились запахи грядущей травы, и они не оставляли попытки взбудоражить радость и память. Но я понимала, что мои мысли всегда упрутся в то бессознательное и тупиковое молчание и не дают мне вдохнуть воздух.

И в эти моменты всю пустоту и бесконечность притупляет то, что меня больше нет, давно нет, ни с кем и нигде.

Но здесь и сейчас я дышу, мыслю, хожу и вот набегу, и лишь с комом в горле, нервно, со злобой наставляю криком со словами:

- Быстро!!! уходи! Беги!

Были уже глубокие сумерки, зимний снег, влажный и серый от отблеска луны, которую скрывал смог туч, лежал словно

выпотрошенная подушка. Отдалённый гул машин на автостраде и отблески виднеющихся окон домов вдалеке, через голые кусты деревьев были такими чужими и далекими.

Листья этих ветвей покинули их так давно, что казалось зима будет вечной. Как разлука сына с матерью. Как дети, которые не вернутся домой, эти ветви вмерзали в землю ожидая смерти. И листья этих ветвей покоились в их корнях.

Это всё, что я запомнила, перед тем как мои глаза навсегда закроются, до того, как глазные яблоки нальются от боли слезами, а от лопнувших сосудов кровью, когда язык и зубы станут с привкусом пластика и металла, а глотать я буду песок эмали своих зубов.

В мою шею впилась стальная как мне показалась трубка, шириной не более чем горлышко винной бутылки и когда кто-то, держа ее двумя руками потянул на себя, она впивалась мне в шею и скорее не душила, а ломала её. Я чувствовала, хрустит гортани и скул.

А дальше было плавное затухание и жар переходящий в лёд, трясущиеся мышцы ног, обвисшие плечи и руки, звуки исчезали, свет...

Свет и без того тусклый помутнел.

Возможно, было, что - то еще. Были ускользящие картинки не прожитых дней, которые динамичными слайдами из цветных картинок потускнели до монохромных и погасли вовсе.

Но я проснулась, как мне показалась. Проснулась после того, как уснула навсегда.

Наверное, вот так и происходит, когда ты живешь и чем дольше и больше, тем тебе кажется, что и меньше, и меньше. Накапливается осознание разочарований, все происходит по спирали, ошибки не дают двигаться дальше. Жизнь для кого - то может закончиться годами обездвиженных дней, неминуемой старости и нескончаемой боли от пустоты одиночества или болезни.

Болезни, которая пожирает обездвиженное тело, впиваясь в каждый сустав и отдавая в голову пульсирующим мраком и вспышками боли, будет уже навсегда.

Болезнь, вызывающая страх. Страх от которого не помогут стоны, слезы или сжатые кулаки.

Стены вокруг станут преградой для будущего и лишь редкие блики солнца в окне будут дразнить, чтобы встать и идти дальше.

Но никогда в этой жизни не будет больше шагов и в мыслях будет только надежда, что - бы добраться до окна, что - бы оно было как можно выше и как можно дальше, что бы земля тянула как магнит и силы дали возможность дойти до этого света, что бы родные и такие далекие люди не мешали потянуться к солнцу и обнять со всей силы землю.

И вот в какой-то момент мысли возраста становления и угасаний сойдутся и получится, что:

Может быть завтра я Вас не увижу
Выйду в окно, что б увидеть поближе
Серый асфальт или мокрый газон
Кровью своей попачкать бетон

Когда в душе эти слова сложатся в лестницу стихов и прикованный годами к постели живой труп будет шевелить глазами, немощно смотря на окружающих, но в этих глазах он не будет отождествляется с ними наравне.

Как к примеру, вы смотрите на старух или стариков, на безутешных, трудно движущихся сохлых тел, с серыми глазами, отвратительной кожей, говорящих, что - то в забвении дней, мучительно тянущих свои тела и так нелепо пересекая Ваш живой мир.

Вы никогда не считали их людьми! Признайте в этом.

Так и для меня слишком много критериев по которым я считаю себе подобных, себе подобными. И вот такой старик, вернувшись к мысли непонятого подростка летит в бесконечность покоя, а я видимо умираю, здесь и сейчас. И просыпаясь с осознанием, что всё конечно у меня остаётся так много вопросов, которые уходят с течением дня и бесполезных дел, однообразием событий. Механика которых дублирует сама себя день за днём.

Глава 2

Всех, кого я, когда, либо знала просыпались плавно, жадно и лениво.

Мои пробуждения были скорее попыткой всплыть, вынужденно барахтаться и в нервном потрясении искать глазами знакомый предмет, фокусироваться на том, что было бы мне знакомо.

Я смутно помню свою мать, ведущую меня ранним утром в тумане, через неосвещенные коридоры туннели, над которыми гремели проезжающие поезда.

Запахи сырости и отсутствие играющих красок.

Так и в эти утренние часы оставалось чувство не пройденного пути.

Позже это отпускало, и, понимая цепь уже знакомых и бесполезных дел, я шла к нему...

Я шла к кофе.

Бесполезный напиток. Привычка инфантильного поведения и вера в волшебный допинг, без которого ни одна идея не сможет быть осуществлена.

Вера в рекламные ходы маркетологов, привычка сродни сигарете. Которая должна ознаменовать то, что ты еще жив и никакие случайности тебе не страшны. Неотъемлемая пауза, для раздумья и неоспоримый повод встать и выйти в любой момент, в любом обществе. Никто и никогда не будет задавать дополнительных вопросов или смотреть с укором на человека, отлучившегося на перекур.

Когда - то мне нравилась сигарета с утра. Да в этом, что - то было. Ритуал у балкона, с созерцанием в глубину двора. И ожиданием пока варится кофе. А дальше в неспешной тишине тянуть горьковато кислый вкус. Вкус, который передавал фильтр, прилипающий к сухим губам фильтр, который было приятно тереть пальцами, и сминая делать его приплюснутым куском пепла и бумаги.

А дальше наступало время кофе, ожидание опадания зерен после кипения на дно и плавное переливание в чашку, не большой ломтик хлеба и масла и опять сигарета и конечно же немедленно на балкон!

Сигарета это для тех людей, кто никуда не торопиться, всегда можно покурить у машины, у входа в метро или к примеру, пропустить автобус, если уже задымил. И даже если ты со всех ног спешил куда либо, то за несколько шагов ты мог остановиться и устроить себе перекур.

Дрянная привычка давала время на то, что - бы поставить дела на паузу и из раздумий плавно стечь в лень. И таким отбором воплощалась лишь некая крайняя необходимость.

Для кого - то такая остановка могла быть спасением, не дошел до места и о чудо кирпич не упал тебе на голову, тебя не переехал авто, ты не попал вовремя на свидание и сифилис не убил твои хрящи и кости, а ВИЧ не сделал твои сопли билетом в могилу, на которой написали, что ты умерла от сатурации и у тебя одновременно оторвался тромб.

И вот в моем случае все же эти мысли обрывал коньяк. Он всё же обладал идеей и целью, которая даровала тебе свободу и в некоторых случаях даже неплохих собеседников.

Мой дом, был моим и в моем доме не было посторонних людей... как мне казалось.

Я не спала, с теми, с кем спала там, где спала я. Безусловно, исключение должно было быть, но такого исключения еще не было.

Я всегда смутно помнила детство, у меня не было долголетних друзей. Память скорее была соткана из старых бумажных и уже желтеющих фотографий.

Многие с кем я общалась делали записи в бумажные дневники, на кассетные пленки, но увы не я.

Моя мать умерла видимо, когда мне было не более пяти, отца я не знала. Родители матери быстро умерли от рака, и я их почти не помню.

В целом запоминается, то что наложило на тебя отпечаток. Во мне остались запахи и страх, да и много чего еще. Но память о родителях не осталась совсем.

К примеру дети у которых были родители наркоманами или алкоголиками, помнят самые светлые дни, дни, когда мать заговорила или пришла в себя, появилась дома. Дни, когда отец назвал имя или взяв за руку увел домой. Дни, когда была брошена последняя горсть земли на похоронах. Но я ничего такого не помнила о них.

Я не любила и не помнила, что любила их или кого-либо вообще.

Думаю, что в целом я была в трех семьях и фактически все они были вынужденные и чужие люди, такой же я была и для них.

Никаких историй или воспоминаний, о тех днях у меня нет, и их не осталось совсем.

Жизнь ребенка, который хочет проснуться, хочет бежать, но нигде и никто его не ждёт.

А бежала я так много и так долго, старательно и направленно не выбирая цели и границы и всё было почти напрасно, но всё же почти.

В какой - то момент я придумала для них название. Для людей, которые меня окружают «окружатели».

Так как мне казалось, что они передают меня как олимпийский огонь, как дешевую эстафету.

Как вы поняли, я не пишу открыток, не посещаю ужины с подругами, не состою в чатах убогих мессенджеров и не звоню сама никому и никогда.

А теперь правда, правда, о том, что есть сейчас и здесь. Не годы назад и не завтра! Я существую в ритме города делаю волшебство красок на работе. Да Вы не ослышались, я довольна своей работой, но не делаю ее на ура. Работа ценит меня, а я её. И да, я пишу стихи у открытого окна, но никогда их не записываю, я выливаю их в открытое окно вместе с остатками вина. Мои зеленые глаза и рыжие волосы творят чудеса в баре, откуда я могу уходить не одна, но я никогда не привожу мужчин в свой дом... В свой дом!

И если я, просыпаясь утром в его кровати я не варю кофе, не лезу с поцелуями, не жмусь телом. И в целом не даю о себе знать.

Чаще всего я ухожу в ночь, не дожидаясь утра, ночью меня мучают сны о шипах в моем позвоночнике, о сломанной шее, о холоде, перерастающем в жар и на оборот.

И в такие ночи не хочу быть рядом для кого - то желанным телом. Мне нужно выжить в такую ночь, пережив мой кошмар, который стал так обыденно мерзок за все эти годы, что мне проще не спать ночью до самого утра, устроив прогулку через весь город пешком, после не всегда полученного оргазма, с натертыми ногами и липким телом под светом фонарей и вдоль мостовой которая всегда приведет меня к дому. К дому где утром есть выбор кофе или коньяк.

Мне не интересен секс как процесс, результат тоже часто подводит, а ласки и нежности меня вводят в ступор.

Я ловлю миг, а он бывает не часто.

Прогуливаясь по ночным улицам, я понимаю, что в них меня не ждет мой кошмар, так как все уже кем-то решено.

Однако у меня появилось исключение, случайно и незатейливо.

Наверное, это бывает так когда ты совсем не видишь разницы между днями, когда разговоры, места, лица и встречи сливаются в одну коричневую массу и ты можешь отличать серый и коричневый цвет, когда необходимость в разговоре сводится к нулю, а чувство близкого и дружественного человека тебе так необходимого больше уже не нужно.

Желание и потребности не играют никаких ролей. И что бы дружить или воевать больше нет причины. Ты пуста, здесь и сейчас. И начинается новый акт, антракт так был затянут, что хочется бежать из зала и тут ты, оказываешься на сцене!

Глава 3

Я никогда не летала на самолетах, ведь поезда это было так романтично и безопасно, что может быть более успокаивающим, чем движения многотонного состава вдоль бескрайнего и нового мира, что может быть прекраснее ожидания ночного моря и осмысления, что луна раздвоившись смотрит на тебя с неба и с земли и ты движешься в даль бескрайней глади спокойной и до смерти опасной бескрайней воды.

Хм... ах, да я не водила авто. Никогда. Меня ведь прельщали прогулки по набережной, сырой воздух от пирса, запах уличной еды, мне нравились пустые ночные трамваи.

Если мне хотелось разнообразить ласки между ног или становилось лениво, я шла в паб с ирландским названием «О зелени и золоте».

Там не было людей с ужимками быдла к которому мы все тогда привыкли в девяностые и которые так скромно ушло в никуда. Для меня быдло мужского пола и тошнота клубных мальчиков или еще подобного сброда всегда вводило в отторжение и скуку.

Я не могла позволить себе тратить время на то, что не будет приносить мне удовольствие, фактор раздражителя меня не устраивал. И что бы не гнать холеру из себя через все щели, я не шла туда где могу с ней столкнуться.

И еще маленький нюанс, я не мнила себя скульптором для работы, что я могу изменить то или иное в человек, я слишком для этого ценю себя и других. Выбери опору и тебе не будет страшен камнепад.

Долгое время опорой для себя былая я сама.

В самом пабе собирались, как правило, кучками офисные бедолаги, свято верящие в графики и сроки их роста, люди, застывшие в рамках бесполезного анализа ситуации, свято верящие в статистику и показатели, которые жили своей жизнью по три раза на дню.

Но через час их болтовни о работе, и они начинали превращаться в людей этот контингент, не напрягал и вполне разово мне подходил.

В виду их среднего звена тут не было завсегдадаях, и шанс встретиться повторно был минимален.

Мужчины с мутными глазами, уставшие от обыденности и безысходности, не торопящиеся напиться, или болтать лишнего.

Те, у кого есть «вечные» жены, жены у которых уже не «болит» и им не приходится играть роли, списывая на усталость.

Их жены, которые уже в открытую живут сами по себе и не видят мужчину в своем муже, жены, которые не скрывают отсутствие страсти и желания.

Жены мужа тех, кто сейчас стоит у стойки бара, но не садиться за столик. И вот это они, мужа жен и их где-то там отдельно живущих жен. В данном сплетении узлов, так просто дернуть нитку и повернуть лицо серой тени к себе, и оно засияет.

Так просто увидеть мужчину там, где об этом забыли, поставив на полку лицом к стенке ненужную игрушку, повесили как изношенный пиджак.

И в такие минуты, пусть и не на долго, для Вас от этой серой тени откроется бесконечная радуга, от которой вы будете щурить глаза, искренне улыбаться и чувствовать общее единение.

Единение, которое увы, Вы должны будете прервать. Так как чудеса не могут быть вечно и чудес не бывает!

Сейчас было именно так.

Ему было за сорок, бархатный баритон, неспешная речь. Отсутствие сигарет, небольшой хмель, живот, скромно спрятанный рубашкой, а не облегающей кофтой уже говорил в его сторону, что этот мужчина готов сделать ей приятно, а не тыкаться куда попало.

Выбирая мужчин, я все же понимала, что ищу того, кто готов ласкать моё тело и после победного доставленного оргазма, уже получить своё.

Мы не так долго обсуждали звучание The cure и Агаты Кристи, он не спрашивал глупых вопросов, не говорил лишнего и ни на что не жаловался.

Такси приехало без пятнадцати полночь.

Его загородный дом куда мы приехали до утра, был чем-то новым и в то же время уютным и знакомым.

Мой вариант с ночной прогулкой отменился не из-за пламенной ночи или нестандартного удовольствия, а по двум причинам. Он уехал крайне рано один и мой вечерний хмель не торопил меня просыпаться в резком понимании нового дня, да и ночью гулять после оргазма мне почему-то не хотелось, спать и обнимать его тоже.

Я вышла в холл, чистый, небольшой уютный дом. Дом, в котором не хотелось одевать обувь, дом, в котором приятно ходить босиком и без трусиков.

Дом, в котором я не варила кофе, дом на кухне в неглиже где я встретила его... «Исключение»

Глава 4

Безразличие, спокойствие, удивление и немного заботы. Вот так бы я описала человека, который подвинул мне стул, на который я села своими голыми чреслами и налил стакан чая, добавив мне лимон.

- Я Марк, отец уже уехал. Я был бы за него рад, если бы это был не мой отец.

Что я могла тогда ответить, думаю ничего. Что я в общем то и сделала.

Я молча пила чай, думала о туалете, уходила одеваться было поздно. Я просто пила чай.

Видимо мои мысли так затянулись, что мы уже ехали в его машине в город, я не говоря улицы, сидела и украдкой смотрела на него.

Когда я все же поняла, что по городу мы делаем второй круг, я решила, что нам обоим нужно ко мне.

Навигатор послушно сменил маршрут, откликнувшись на мой голос и через двадцать минут я мыла своего нового мужчину губкой в своей ванне.

Мне нравилось с ним лежать до обеда, не отвечать на звонки телефона, просто молчать, ласкать его там, где он не привык и даже возможно не пробовал, мне не важно знать ничего, только быть тут и сейчас, спать прижимаясь к телу и вспоминая о стальной трубке ломающей шею, жаться все сильнее к его.

Глава 5

Лица появилась как сон, она поселилась в животе так же неожиданного и бесцеремонно как я вошла в жизнь Марка, мы знали друг друга не так уж и долго.

Я не могла пойти знакомиться с его родителями, от части того, что мы уже были знакомы.

Он, не понимая того сам, свел наше общение на нет, и вот мы с Ликой осваиваем парк, запахи хвои, скрип старых сосен, не так давно она созерцала глазами небо, лежа на спине, медленно подергивая ручками и сжимая пальчики, а сейчас бегаёт по тропинкам и без умолку, что - то болтает.

Ей пять, она уже умеет, считать и писать. У нее бывают вопросы, о том, кто у нас есть из родни, ведь родни у ее знакомых в саду так много, каждый раз забирать детей могут приходиться, бабушки, тети и дяди.

На свою странность я познакомилась с пожилыми людьми, они посещали некий набожный кружок и часто гуляли в округе, по случайности и упорству Лики мы отозвались на их приглашение и даже сходили в гости.

Теперь для нее это были бабушка и дедушка.

Я не знаю, какая я мать, моя грудь не давала молока, у меня не было для неё отца. Но я старалась, старалась, как могла и немного больше.

Старалась дать ей то, на что хватит моего и без того короткого времени.

Многие понимают, что время съедает быт, работа, устройство отношений. Раковый больной понимает, что время для него зависит от того, как скоро одна клетка переродится в другую.

А я понимала, что я всегда жду хруст переломленной шеи и ощущения ножа для сыра в пояснице.

Глава 6

Моя зима наступала так долго, пробивалась через дожди и ветер, через желтую осеннюю листву, через желтое остывшее солнце, через портвейн после ужина, через сквозняк из балконной двери, через пальцы, сохнувшие от холода.

И вот она пришла, серый и грязный асфальт она украсила белым и свежим снегом, серые тучи она сменила синим небом и ярким не греющим солнцем.

Снег хрустел под ногами и по мере того как мы углублялись в лес, небо становилось все тяжелее и ниже. Оно было серым.

День был не таким сырым или морозным, он был на удивление тихим и медленным, плавным, мы мола шли, собирали ветки, откапывали и закапывали шишки.

Быть вдвоём и понимать друг друга без слов мне было всегда важно, интонации глаз, жесты, мелкие ужимки. Этот язык мне всегда был понятен.

Я передавала его ей, но и без меня она всё знала.

Когда мы собрались обратно были глубокие сумерки...зимний снег... влажный и серый от отблеска Луны которую скрывал смог туч, лежал словно выпотрошенная подушка...

Шаги, я слышала шаги. Они были не быстрыми, скорее резкими.

Рука эти шагов дернула мое тело к себе, в области плеча и шеи. Спина уперлась с хрустящим звуком в штык, что-то надавило на горло, и незнакомый голос выдал несколько слов:

- Ты лишила меня мужа, сына и внучки...

То, что давило на горло перекатилось и уперлось в скулы, хруст вафли, треск позвоночника, ощущения креветки которую чистят после варки и такая же немота, лишь с комом в горле, нервно, со злобой наставляю криком Лику, со словами...

- Быстро уходи!

Глава 7

Иногда мне кажется, что все это происходит по кругу, иногда, что я и Лика это один человек.

Возможно кто -то перепутал, и я зациклено не обнуляюсь и бегу свой круг, как сансара.

Думаю, да.

Отказалась бы я от своих решений.

Нет!

Готова ли я пройти путь снова?

По- разному. Спросите в следующий раз!

Но так или иначе я его прохожу и делаю одни и те же вещи, всегда есть выбор, но есть ли решение?

О чем я жалею?

О жизни!

Сконвертировано и опубликовано на <https://SamoLit.com/>